

БОРИС ЛОЗОВИЧ

ЧЕТЫРЕ ОРДЕНА ЖЕЛЕЗНОГО МАРТИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
МОСКВА • 1974 г.

Для младшего школьного возраста
Борис Алексеевич Лозовой
ЧЕТЫРЕ ОРДЕНА ЖЕЛЕЗНОГО МАРТИНА

серия «Легендарные герои»
Художник М. Майофис

Редактор О. Лебедев
Художественный редактор Г. Крюкова
Технический редактор Н. Житенёва
Корректор С. Бланкштейн

Сдано в производство 30/1-74 г. Подписано в печать 28/VIII-74 г. Бумага офсетная № 1. Формат 84x108/16. Печ. л. 3,5. Усл. печ. л. 5,9. Уч.-изд. л. 5,81. Тираж 150 000. Цена 45 коп. Изд. № 619. Заказ № 2472. Издательство «Малыш» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.

Л 70802-005 8-74
М102(03)-74

БОРИС ЛОЗОВОЙ

ЧЕТЫРЕ ОРДЕНА ЖЕЛЕЗНОГО МАРТИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
МОСКВА • 1974 г.

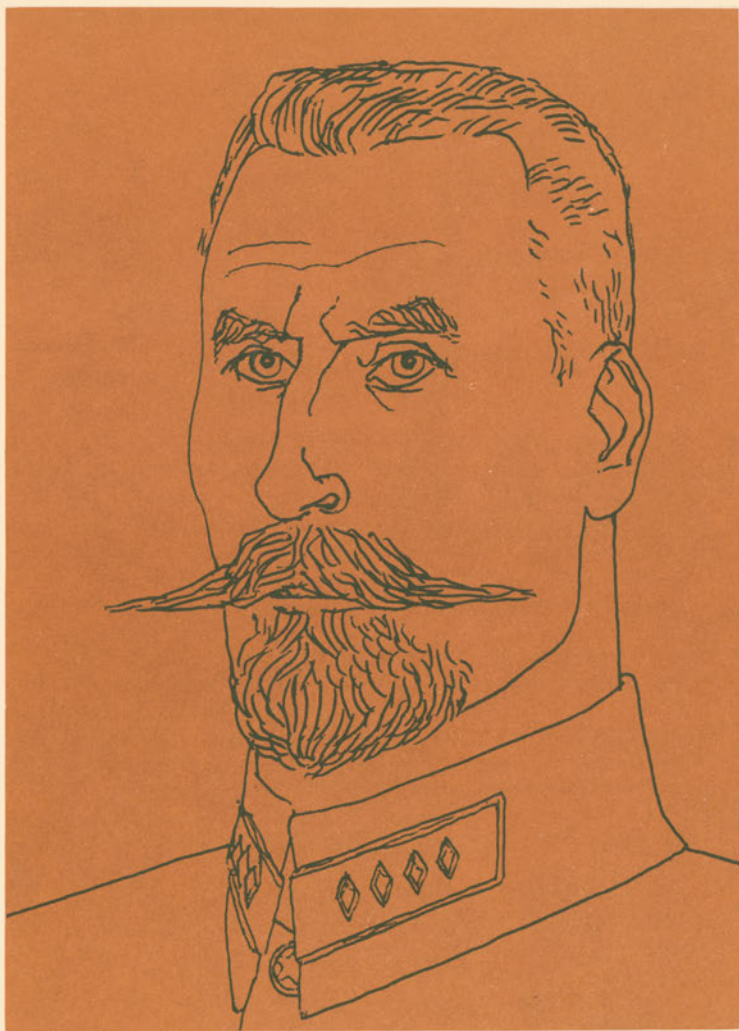
В латышских сказках рассказывается о народном герое — Железном Мартине.

Железный Мартин был очень сильный и смелый. Он всегда говорил только правду и заступался за слабых и обиженных, а жадных и богатых не любил.

Ещё в детстве за честность и прямоту отец Яна Фабрициуса прозвал сына Железным Марином. Это прозвище сохранилось за ним на всю жизнь. Так звали его революционеры-подпольщики в Риге. Так звали его политические заключённые на царской каторге. Так звали его товарищи-коммунисты, с которыми он защищал Советскую власть.

Ян Фабрициус в числе первых был награждён орденом Красного Знамени и был удостоен этой самой большой награды молодой Советской республики четырежды.

Эта книжка и рассказывает о боевых подвигах славного сына латышского народа, героя гражданской войны Яна Фабрициуса.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ КОМИССАР

Зима тысяча девятьсот восемнадцатого года была ветреной и сырой. По ночам на окраинах Петрограда растаскивали на дрова заборы и сараи. В очереди за хлебом становились с вечера. И потому, что не было дров и хлеба, зима казалась особенно лютой.

Десятого февраля немцы нарушили перемирие и двинулись на Красный Петроград. Смертельная опасность нависла над нашей родиной.

Утром двадцать второго февраля на стенах домов и на круглых тумбах для объявлений был расклеен декрет, подписанный В. И. Лениным.

«Священным долгом рабочих и крестьян, — говорилось в декрете, — является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии...»

Особенно тревожной была ночь на 23 февраля 1918 года.

На заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Владимир Ильич Ленин настаивал на том, чтобы заключить мир с Германией на любых условиях. Надо было выиграть время и собраться с силами: Красной армии ещё не было, она только создавалась.

Враги Ленина кричали, что заключать мир с Германией — позор для советской власти, что надо воевать до последней капли крови...

А по дорогам войны всё ближе и ближе к Красному Петрограду цокали копыта вражеских кавалерийских разъездов, и всё чаще и чаще на улицах древних русских сёл и городов раздавалось, как удар плети, короткое немецкое: «Хальт!» Немцы упрямо шли к Петрограду, чтобы задушить первое в мире государство рабочих и крестьян.

Когда члены ВЦИК проголосовали за заключение мира, В. И. Ленин немедленно назначил совещание военных специалистов. Надо было принять меры, чтобы остановить врага, пока мир ещё не подписан.

*

Владимир Ильич Ленин сидел в глубоком кресле и делал заметки в блокноте.

На столе лежала большая карта окрестностей Петрограда.

Комиссары и военные специалисты должны были собраться через пятнадцать минут.

За холодными окнами Смольного тускло светили уличные фонари. Порывы ветра доносили протяжные гудки фабрик и заводов. Гудки звали рабочих брать винтовки и защищать Петроград. На улицах горели костры. У костров грелись вооружённые люди.

К зданию Смольного, где находился Совет Народных Комиссаров, подъезжали грузовики с вооружёнными рабочими, подходили отряды солдат и матросов.

Охраняли Смольный латышские стрелки.

По белым ступенькам главного входа быстро поднялся высокий военный в длинной шинели, перепоясанный ремнями. На боку у него висел маузер в деревянной кобуре. Маленький козырёк его фуражки был прогнут посередине и надвинут на большие серые глаза. Длинные прямые усы заиндевели...

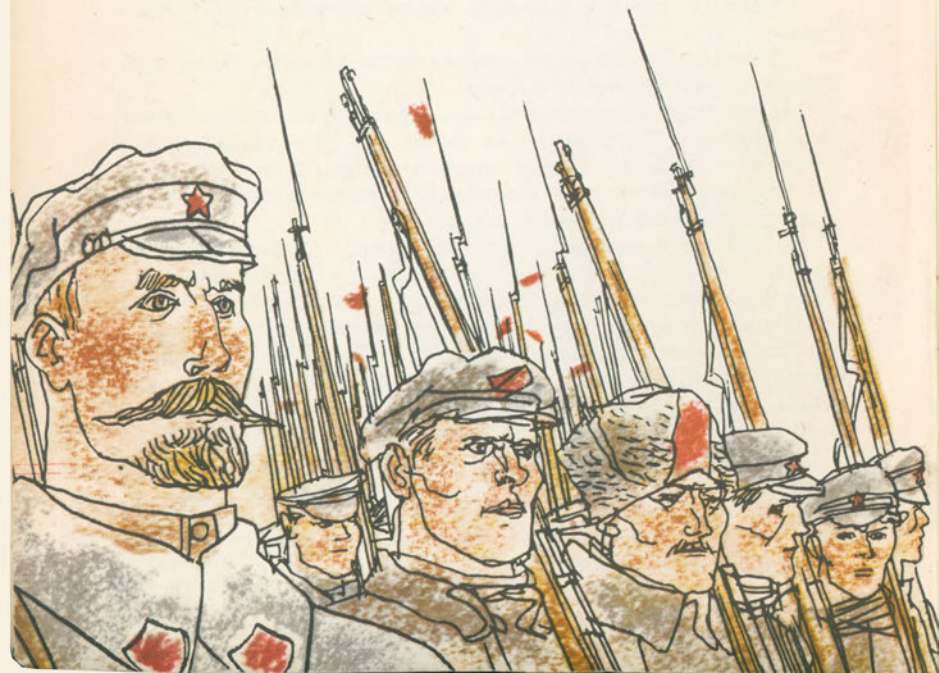
Стрелки не потребовали у военного пропуск, а взяли винтовки на караул. Военный козырнул и вошёл в Смольный. Это был депутат латышских стрелков Ян Фабрициус.

Когда совещание началось, Владимир Ильич попросил военных специалистов ответить на три вопроса:

1. Будут ли немцы брать Петроград?
2. Надо ли защищать Петроград?
3. И если защищать Петроград, то оставаться ли правительству в Петрограде?

Военные специалисты, а это были бывшие царские генералы, перешедшие на службу к советской власти и теперь работавшие в штабе Верховного Главнокомандующего, не решались выступить первыми.

Ян Фабрициус не особенно доверял бывшим царским генералам и их военному опыту. Он поднял руку и сказал: «Разрешите мне, Владимир Ильич, несколько слов!

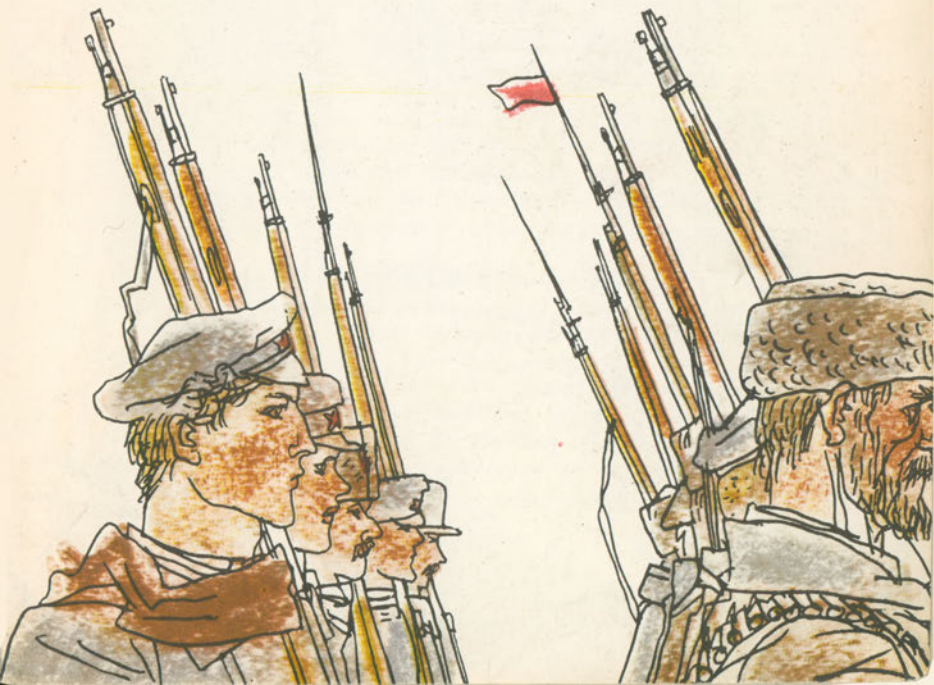

Я сын батрака и академии генерального штаба, к сожалению, не кончал... Но по опыту трёх лет войны знаю, что, сидя в обороне, врага не победишь. Революционная армия должна идти навстречу врагу и бить его в открытом бою. Все военные работники должны быть на передовой. Прошу вас, Владимир Ильич, направить меня на любой участок Петроградского фронта».

— Правильно говорите, товарищ Фабрициус! — сказал Владимир Ильич. — Военные работники ВЦИК должны быть на фронте!

...23 февраля 1918 года Чрезвычайный военный комиссар Ян Фабрициус во главе отряда путиловских рабочих выехал на фронт. Наступление немецких оккупантов на Петроград было приостановлено.

...3 марта 1918 года в Брест-Литовске был подписан договор о мире.

САБЛЯ В СЕРЕБРЯНЫХ НОЖНАХ

Над крепостными башнями и колокольнями древнего Пскова поднималась чёрная туча дыма. Горели склады.

Ян Фабрициус смотрел в бинокль. Над самой высокой башней затрепетал красный флаг. Это красноармейцам Гдовского полка удалось прорваться к городской башне. Но город надо было ещё взять...

* * *

Связной, парнишка лет четырнадцати, осадил рядом с комиссаром рослого коня, съехал на животе с седла, приложил ладонь к козырьку, выпалил:

— Так что разрешите доложить, товарищ самый главный комиссар!..

— Докладывайте, товарищ красноармеец! — Сказав это, Ян Фабрициус вытянулся по команде смирно, звякнул шпорами и взял под козырёк.

У связного от неожиданности фуражка съехала на самые уши, он оробел и протянул Фабрициусу записку.

— Дяденька комиссар! Это вам.

— Вольно, товарищ красноармеец! — сказал Фабрициус и прочитал вслух: «Срочно нужны подкрепления. Травинский».

— Так что, товарищ самый главный комиссар, — осмелев сказал связной, — беяки за реку Великую драпанули!

— За Великую, говоришь? — улыбнулся Фабрициус. — Как звать тебя, орёл?

— Егором, — сказал парень и облегчённо вздохнул. — Они, товарищ комиссар, в деревне Кресты засели. Наши геройские красноармейцы за тот берег зацепились и на беяков в атаку. А беяки из пулемётов. Мы на них, а они из пулемётов. Так вот задержка и получилась.

— Так как тебя, Егор, по отцу?

— Егор Иванович Волохов, товарищ комиссар, — отчеканил связной и заулыбался.

— Давай пулей, Егор Иванович! И скажи командиру: приказ надо выполнять своими силами. Резерва нет и не будет! А красноармейцев пусть бережёт. Мы за каждого бойца перед трудовым народом в ответе!

Пока Егор взбирался в седло, Фабрициус вырвал из блокнота листок и написал записку. Он протянул записку Егору и сказал:

— Когда выбьем белых из Крестов, пойдёшь к каптенармусу и получишь новую фуражку. Эта тебе великовата.

*

Белых было больше, чем красноармейцев, и вооружены они были лучше. Оправившись от испуга и подтянув резервы, беяки могли в любой момент перейти в контрнаступление. Надо было действовать решительно и быстро. Комбриг Васильев развернул карту.

— Если нанести противнику удар в тыл? — сказал командир бригады и провёл красным карандашом по тонкой ниточке шоссе, что проходило через Кресты. — Шоссе маскируется сосняком... — продолжал он вслух. — Влево противнику отступать нельзя, там болота... Роты полторы бойцов. Без шума. Осторожно подойти. Внезапный удар, и Кресты наши!

— Да, но где взять эти полторы роты? — возразил Фабрициус и стал крутить жёсткий ус.

— Вот в этом и загвоздка, Ян Фрицевич!

— А знаете, Михаил Николаевич, — Фабрициус положил на плечо комбригу руку, — я нашёл резерв. Прикажете прекратить атаки! Вот мой план.

И они оба склонились над картой...

*

В бригаде было несколько грузовиков, отбитых у белых. На трёх грузовиках установили станковые пулемёты.

Получилась боевая автомобильная колонна.

Когда стало смеркаться, Фабрициус посмотрел на часы и скомандовал:

— По машинам! — И сам забрался в кузов головного «Фиата».

Комбриг заправил ленту в пулемёт на второй машине.

Фабрициус ещё раз посмотрел на часы:

— Вперёд!

Гремя цепными передачами, грузовики выехали на шоссе.

В небо взлетели три красные ракеты. Загрохотала наша артиллерия. Боевая автомобильная колонна, рокоча моторами, въехала в деревню Кресты и открыла пулемётный огонь по тылам врага.

Артиллерия смолкла. Донеслось далёкое «Ура!». Это красноармейцы ворвались в белогвардейские окопы.

Слева было болото, и противник кинулся на шоссе...

Грузовик Яна Фабрициуса врезался в самую гущу белогвардейцев...

Пленные потом рассказывали, что когда в окопах слышали рокот моторов и пулемётную стрельбу, то решили, что в тыл зашёл дивизион красных броневинов. Поэтому и побежали...

Псков был освобождён.

Поздно ночью комиссар Фабрициус отправил телеграмму:

«Москва. Кремль. Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину.

Вчера вечером двадцать пятого ноября в 16 часов 30 минут доблестными красноармейскими частями в бою взят город Псков...»

* * *

Отличившиеся в боях красноармейцы получили от петроградских рабочих подарки, а комиссар Фабрициус был награждён саблей в серебряных ножнах.

ОДИН СТОИТ ДЕСЯТИ

Красная Армия шла освобождать Ригу.

Латышские стрелки с боями продвигались на запад.

На подступах к Риге немцы создали крепкую оборону.

На Хинценбергских высотах ещё со времён мировой войны остались глубокие окопы. Немецкие сапёры оградчили их колючей проволокой, а все деревья и кусты перед окопами вырубил.

Латышские стрелки три раза поднимались в атаку. Бежали вверх по склону, проваливались в снег. Падали, поднимались, бежали опять. Но перед окопами немцы открывали пулемётный огонь.

Стрелки отходили назад, унося с собой раненых и убитых.

После безуспешных атак командование второй латышской бригады обратилось за помощью к Чрезвычайному комиссару Гдовского боевого участка Яну Фабрициусу.

— На проводе комиссар второй латышской бригады Роберт Аппен. Нужен Чрезвычайный комиссар Ян Фабрициус, — рокотала телефонная трубка. — Ян Фрицевич! Вторая бригада несёт большие потери. Необходимо ваше руководство штурмом Хинценберга!

— Через час выезжаю! — ответил Фабрициус. — Соберите командиров и коммунистов!

Через два часа продырявленный пулями автомобиль остановился у штаба.

— Здравствуйте, товарищи командиры и коммунисты! — сказал Фабрициус, войдя в штаб.

— Здравия желаем! — недружно ответило несколько голосов...

— Не вижу дисциплины, товарищи командиры. Одеты не по форме, не выбриты...

Фабрициус щёлкнул каблуками, взял под козырёк и чётко повторил:

— Здравствуйте, товарищи командиры и коммунисты!

На этот раз все поднялись и в один голос отчеканили:

— Здравия желаем, товарищ комиссар!

— Вот теперь узнаю латышских стрелков! — улыбнувшись в усы, сказал Фабрициус. — Разве доблестным воинам можно в таком виде входить в Ригу?

— Да, но Ригу сначала надо взять! — покачал головой постаревший за эти дни командир бригады Лельбикс.

— Ригу, товарищи, будем брать послезавтра! Прошу всех командиров и коммунистов разъяснить стрелкам задачу и подготовить их к выполнению приказа. Приказ будет объявлен завтра утром. Весь личный состав привести в надлежащий порядок для вступления в столицу советской Латвии..

Когда Чрезвычайный комиссар и командир бригады остались одни, Лельбикс сказал:

— За эти три атаки мы потеряли больше, чем за месяц боёв. В Усть-Двинском полку осталось сто восемьдесят шесть штыков...

— Плохо считаете, товарищ Лельбикс! — перебил командира бригады Фабрициус. — Я служил в Усть-Двинском полку и знаю, что один стрелок стоит десяти немцев! Значит, только в одном Усть-Двинском полку тысяча восемьсот шестьдесят штыков! А это грозная сила! — Он достал из полевой сумки карту, разложил её на столе. — Две роты обходят хинценбергские позиции с флангов... — И Фабрициус нарисовал на карте две изогнутые красные стрелы. — И ровно в 24.00 громят тылы противника... Затем проводим артподготовку и начинаем штурм. Пишите приказ, товарищ Лельбикс!

В полночь под Новый год гудела метель.

В блиндаже начальника немецкой дивизии собрались

офицеры. Ровно в 12 ночи они подняли бокалы с шампанским.

— Господа офицеры! — сказал седой генерал с моноклем. — Я поднимаю тост за непобедимое германское ору...

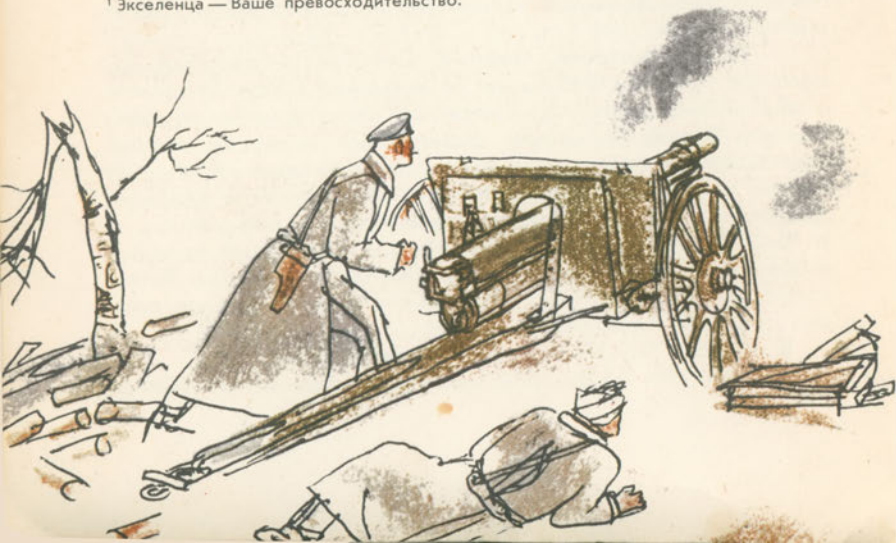
Договорить генералу не пришлось. Блиндаж дрогнул. С потолка посыпался песок. Свет погас. Загрохотали взрывы. Это красные латышские стрелки зашли немцам в тыл, взорвали склад с боеприпасами и забросали гранатами штаб дивизии. Потом заговорили пушки, и через проходы в колючей проволоке со штыками наперевес в немецкие окопы ворвались солдаты Лельбикса. Несмотря на неожиданность атаки и удачный обходной манёвр, немцы отходили, упорно сопротивляясь — чувствовалось их численное превосходство...

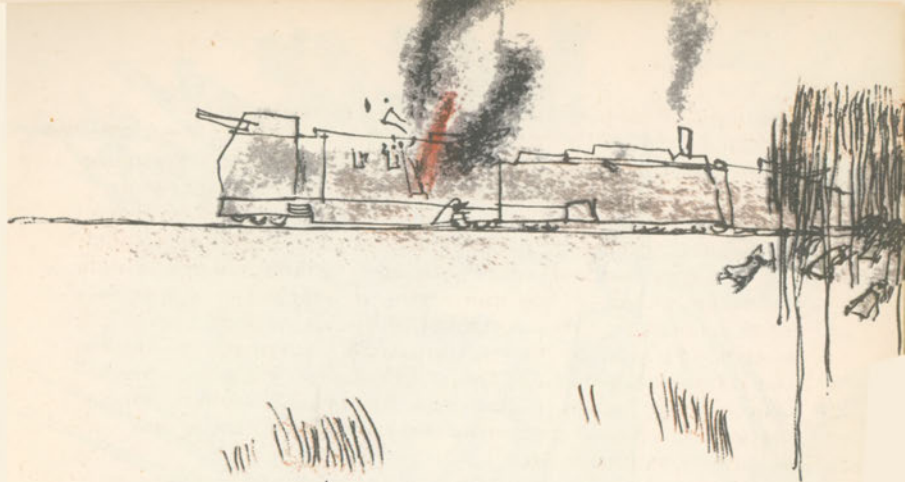
Когда немцы были выбиты из последней линии окопов, бой затих... Однако, едва забрезжил рассвет и немецкий генерал смог оценить обстановку, он приказал начальнику штаба:

— Господин оберст! Введите в дело моих баварских егерей и бронепоезд «Фюрст Бисмарк»!

— Слушаю, экселенца!¹ — отозвался полковник...

¹ Экселенца — Ваше превосходительство.

Орудия немецкого бронепоезда сосредоточили огонь на нашей батарее в берёзовой роще. Пулемёты бронепоезда не давали подняться залёгшим стрелкам. Бронепоезд медленно двигался на латышских стрелков, и под его прикрытием цепью шли баварские егеря.

Проваливаясь по колено в снег, Ян Фабрициус выбрался к замолчавшей батарее. В живых был только командир уцелевшей пушки. Фабрициус перевязал раненого. Зарядил пушку, навёл её на бронепоезд и дёрнул за шнур... Первый снаряд со скрежетом вырвал дверь у бронепоезда. Второй разбил бортовое орудие. Третий разорвался возле бегунков — передних колёс паровоза.

Окутанный облаком пара, бронепоезд подался назад...

— Хорошо бьёшь германца, товарищ! — крикнул раненый артиллерист. — Из какой роты? Возьму в расчёт!

Усатый наводчик рассмеялся:

— Вы, видно, из новеньких? Давайте знакомиться! Я комиссар Фабрициус. С кем имею честь?

— Командир пушки Биркенс, товарищ комиссар!

— Держитесь, товарищ Биркенс! Сейчас пришлю санитаров, доставят в госпиталь...

Проваливаясь в снег и левой рукой придерживая саблю в серебряных ножнах, Фабрициус зашагал к залёгшим стрелкам.

— Залповым огнём... Целься в пояс... По врагам революции — пли! — крикнул комиссар...

Баварские егеря стали падать лицом в снег... И все, кто из них уцелел, пятились, поворачивали назад и бежали к синевшему вдали лесу...

— Товарищи! — закричал Ян Фабрициус. — Победа за нами! На Ригу, красные орлы! — и рванулся вперёд, доставая из деревянной кобуры маузер...

* * *

13 января 1919 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет наградил Чрезвычайного военного комиссара Яна Фабрициуса первым орденом Красного Знамени.

НЕПРИСТУПНАЯ СМОРГОНЬ

Весной 1920 года Красная Армия разгромила генерала Деникина и гнала белых к Чёрному морю. Белые бежали в Крым, где барон Врангель собирал армию для нового похода на Москву...

Победа над Деникиным досталась нелегко. Много красноармейцев было убито, много ранено. Мосты через большие реки взорваны. Телеграфные столбы повалены. На станциях ржавели мёртвые паровозы.

В это тяжёлое время на Республику Советов напали белополяки.

Красная Армия снова двинулась на врага...

Ян Фабрициус командовал 48 стрелковой бригадой. Бригада готовилась к отправке на Западный фронт. Красноармейцы закатывали на платформы пушки. Заводили по сходам в товарные вагоны лошадей. Грузили ящики с патронами.

Дымили походные кухни...

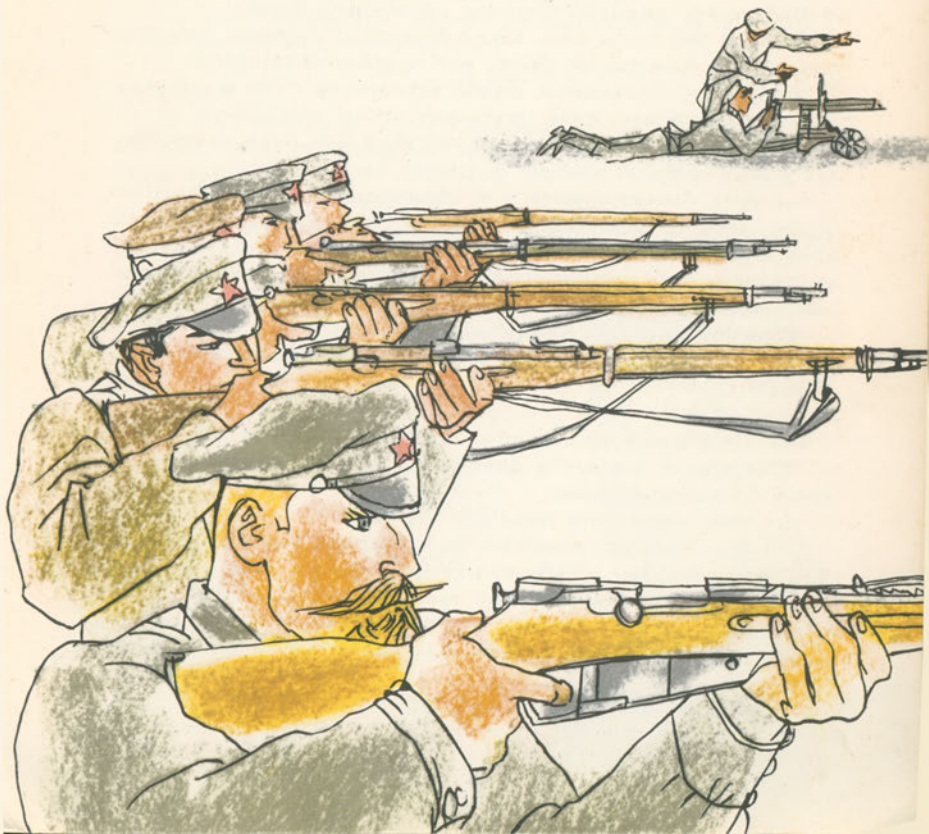
Утром девятого июня на запасном пути станции Полоцк остановился длинный воинский состав. Из вагонов прыгали красноармейцы и с котелками бежали кто к походным кухням, кто на станцию за кипятком. Это прибыл первый эшелон 48 бригады. Здесь, у белорусского города Полоцка, собирались красные полки, чтоб ударить по белополякам.

48 бригада готовилась к боям. Командиры учили красноармейцев применяться к местности и маскироваться. Попластунски подползать к проволочным заграждениям и бесшумно резать колючую проволоку. Командир бригады Ян Фабрициус требовал, чтобы все стреляли метко.

Он часто приезжал на стрельбище и не раз сам брал винтовку. И тогда все пять пуль кучно ложились в чёрное яблоко мишени.

Ян Фабрициус на гнедом жеребце со взводом конных разведчиков появлялся то на подступах к высоте 72,9, к крутому холму на правом берегу Оксны, подмытому рекой; то у бродов ниже паровой мельницы; то у старых русских окопов, из которых постреливали белополяки. Он приглядывался к месту будущих боёв. Иногда вместе с начальником штаба Ершовым ходил в разведку.

Однажды они заехали в густой орешник на берегу

Оксны, откуда просматривался весь Сморгоньский укреп-
лённый район.

— У этой проклятой Сморгони, — начальник штаба по-
казал нагайкой в сторону невысоких холмов, — много наше-
го брата полегло в мировую войну! По данным штаба
армии французские инженеры построили белополякам в
старых немецких окопах железобетонные блиндажи...

Ржавая колючая проволока опутывала холмы, огибала
на правом берегу высоту 72,9, опять уходила на левый
берег и спускалась вниз по реке, теряясь из виду у
синевшего вдалеке бора.

— А что это, Иван Павлович, за жёлтое пятно ниже
паровой мельницы, возле трёх отдельно стоящих берёз? —
И Фабрициус передал бинокль начальнику штаба.

— Так это же и есть такой блиндаж! Дёрном они его
покрыли, а дождей не было, вот трава и пожелтела!

Рядом с начальником штаба взвизгнула пуля и срезала
ветку. Фабрициус снял фуражку и на срезанной ветке
высунул её из кустов. Взвизгнули ещё две пули, и проби-
тая возле красной звезды фуражка закачалась...

— Есть, оказывается, у белополяков снайперы! —
усмехнулся в усы Фабрициус. И, пригибаясь вслед за
начальником штаба, стал осторожно пробираться в глубь
кустарника, где черноглазый командир разведчиков Геор-
гий Вукмирович держал на поводу трёх коней...

В штабе бригады дежурный доложил:

— Товарищ комбриг! Дождается Вас крестьянин Янко
Лукша!

— Где он?

— Да в дежурке, товарищ комбриг, чай пьёт!

Фабрициус шагнул в дежурку и протянул крестьянину
свою большую ладонь:

— Чем могу быть полезен?

— Ты, товарищ хороший, всё пытаешь наших мужиков
про колючку. Так я тебе скажу по дружбе. Наши мужики
давно через неё к паровой мельнице дорогу наездили,
а проволока та на плетни пошла. Мой кум Левон вчера
ещё с мельницы помол привёз. Где столбы завалились,

там паны-жолмеры колючку подправляли. А до мельницы не дошли — ты помешал. Так вот, там воротца сделались широкенькие. Они про эти воротца не ведают. Так я пришёл твоим хлопцам их показать. Авось сгодятся!

— Да и ещё как сгодятся! Благодарю тебя, отец! От всех красноармейцев и командиров благодарю! — И Фабрициус обнял старика.

— Это тебе, товарищ хороший, от наших мужиков спасибо! Ты нашего пана Лящицкого так напугал, что он про все недоимки забыл и до самой Варшавы бежал, не оглянувшись!

Командир бригады и начальник штаба долго сидели над картой, решали, как брать Сморгонь.

— Эта высота 72,9 на нашем берегу, Иван Павлович, у нас как бельмо на глазу!

— Бельмо-то, бельмо, да видно с неё все вокруг, как на ладони...

— Вот поэтому, Иван Павлович, с неё и начать бы, да надо ещё помнить, что у нас в тылу старые окопы с белополяками!

Где-то далеко в деревне кричали петухи.

Фабрициус встал, поправил ремень на гимнастёрке.

Июльская ночь коротка, но до рассвета можно было ещё с часок поспать...

* * *

Двенадцатого июля стремительным ударом красноармейцы выбили белополяков из старых окопов на правом берегу Оксны.

Вражеские батареи открыли огонь по позициям бригады. Им ответили наши пушки. Началась артиллерийская дуэль.

В ночь на 13 июля два батальона красноармейцев прошли по глубокому оврагу к подножию высоты 72,9 и сосредоточились там, где ещё накануне разведчики Вукмировича проделали проходы в проволочных заграждениях. Перед рассветом в небо взлетели две зелёных и одна красная ракеты. По этому сигналу бойцы стали быстро подниматься по пологому склону.

Завязался короткий рукопашный бой. Противник бежал. Но вражеская артиллерия не дала красноармейцам окопаться, и господствующая высота снова перешла в руки белополяков.

«Надо атаковать оттуда, — думал Фабрициус, — где противник меньше всего ожидает теперь атаки».

Через несколько часов, когда в распоряжение комбрига подошли тяжёлые орудия и батарея белополяков приутихла, батальон опять двинулся на высоту 72,9.

Красноармейцы поднимались теперь по крутому не удобному для атаки склону. Их плечи и головы были покрыты зелёными ветками. Шли они через орешник очень осторожно. Когда враг заметил опасность, было уже поздно — красноармейцы бросились в штыки.

Над высотой затрепетал красный флаг...

Но противник не хотел уходить с правого берега Оксны и перешёл в контрнаступление.

Пехотный полк белополяков, чтобы ударить бригаде во фланг, переправился через реку Оксу в районе соснового бора.

Располагая в этом районе всего одним батальоном пехоты, комбриг приказал командиру батальона пропустить неприятеля в глубь леса, окружить его и уничтожить. Отвлекая внимание неприятеля, Фабрициус сосредоточил главные силы бригады у бродов за паровой мельницей. Полки перешли Оксну. Прошли через проходы в провололочных заграждениях, которые показал Янко Лукша, и ударили противнику во фланг.

Красные артиллеристы перенесли огонь в глубину Сморгоньского укрепленного района, и красноармейцы ворвались в окопы и ходы сообщений белополяков.

Враг стал беспорядочно отступать.

Но вот из амбразур большого блиндажа ударили пулемёты. Атакующие отхлынули и стали обходить блиндаж справа. Чтобы подорвать этот узел сопротивления, к блиндажу торопились разведчики. Вукмирович по-пластунски

подполз вплотную к бетонной глыбе и бросил в железную дверь гранату... Дверь вынесло взрывом. После второй гранаты из блиндажа повалил дым, и пулемёты замолчали.

Прижавшись спиной к стене и держа в правой руке гранату, а в левой маузер, командир разведчиков крикнул:

— А ну, паны, вылезай по одному, кому жить не надоело!

Из блиндажа в дверной проём с поднятыми руками стали выходить белополяки.

— А ну, паны, становись лицом к брустверу! Да не переговариваться! — командовал Вукмирович, а сам считал: — Тридцать один, тридцать два, тридцать три...

А паны всё лезли и лезли. Капли холодного пота выступили у Вукмировича на лбу: «А ну, как паны опомнятся?»

Но, лязгая затвором винтовки, к Вукмировичу подбежал красноармеец Сергей Петровых, а потом ещё трое.

— Товарищ командир! Да сколько их, чертей, там сидит! — закричал белобрысый весельчак Сергей Петровых. — Пуговицы им, гадам, на штанах надо обрезать, а то неровен час по дороге разбегутся!

— Не разбегутся, Серёжа. Всех в штаб сдадим! Они теперь смирные, — засмеялся Вукмирович.

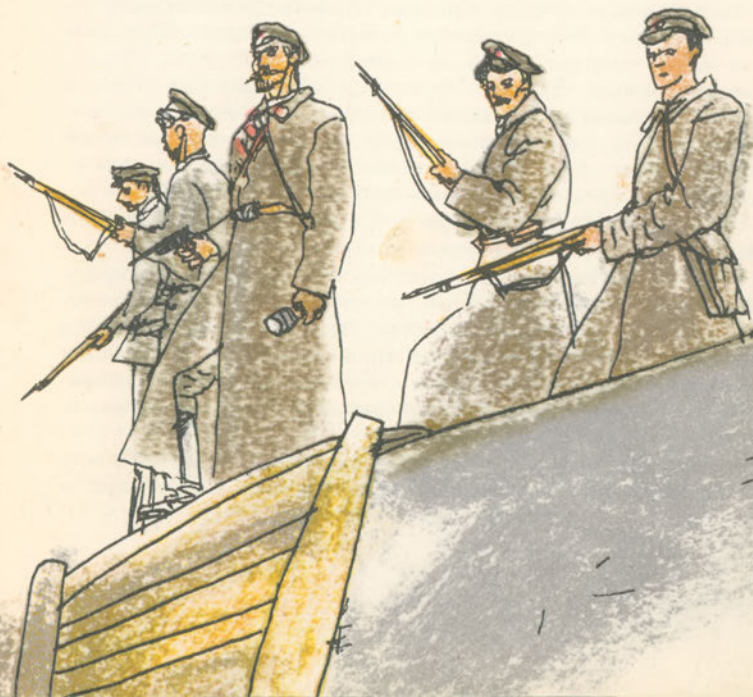
Всего командиру разведки сдалось шестьдесят четыре белополяка во главе с паном капитаном.

Бригада взяла в плен двести человек, десять пулемётов, много патронов и снаряжения, а потеряла убитыми всего девять красноармейцев...

Неприступная Сморгонь пала. В прорыв у Сморгони вошли части Красной Армии и погнали врага на запад.

Отличившиеся в бою красноармейцы и командир были награждены.

На выцветшей гимнастёрке комбрига засверкал второй орден Красного Знамени.

В АРЬЕРГАРДНЫХ БОЯХ

Стояло лето 1920 года.

По просёлочным дорогам Польши шли на запад красные полки. Громыхали пушки. Поднимала пыль конница. Гимнастёрки на красноармейцах выгорели. Лица от зноя почернели. Губы потрескались...

То и дело гремели артиллерийские залпы. Пели трубы, и полки разворачивались в боевые порядки. Красноармейцы сражались с белополяками за каждую высоту, каждую переправу, каждый хутор... А польские рабочие и крестьяне на освобождённой земле встречали красных воинов хлебом-солью...

Целый месяц гнала Красная Армия белополяков на запад. Обозы с боеприпасами остались позади... Патронов было мало, снарядов ещё меньше...

Иностранные буржуи боялись, что Красная Армия возьмёт Варшаву, и польские рабочие и крестьяне установят у себя на родине советскую власть. Капиталисты не жалели денег для белополяков и посылали на фронт аэропланы и броневики, танки и пушки.

Белополяки вводили в бои всё новые и новые подкрепления и 15 августа перешли в контрнаступление...

Бригада Фабрициуса отражала атаки неприятеля и сдерживала его наступление. Она прикрывала отход 15 армии.

18 августа севернее городка Пулуска бойцы боевого охранения услышали конское ржание. Шагах в пятистах от дороги, поблёскивая пиками, на лесную опушку выехала белопольская кавалерия, офицеры, размахивая саблями, гарцевали перед эскадроном.

— Уланы! — пронеслось по рядам, и тут на обочину дороги выскочил на гнедом жеребце Ян Фабрициус и крикнул:

— Ложись! Пулемёты вперёд!

Увидев, что красноармейцы залегли, уланы не знали, на что решиться. Одно дело налететь на пехоту, когда она идёт по дороге, другое дело атаковать, когда она приготовилась к бою...

— Иван Павлович! — крикнул Фабрициус начальнику штаба. — Вы встречайте уланов здесь, а я со штабным эскадром зайду им во фланг! — Командир бригады дал шпоры гнедому и поскакал в хвост колонны, где цокал копытами штабной эскадрон...

Запела боевая труба. Уланы стали шпорить лошадей и поскакали на красноармейцев... Тогда глаза у начальника штаба сузились, и он скомандовал:

— По движущимся целям, прицел триста шагов, залповым огнём, цепь... пли!

Те кавалеристы, которые скакали впереди, повылетели из сёдел. По траве покатались квадратные фуражки с белыми султанами... Заметались лошади, оставшиеся без всадников, но кавалерия неудержимо летела вперёд... Жала пик, лезвия сабель и храп коней были совсем рядом, когда Ершов снова дал команду.

И тридцать два пулемёта забились как в лихорадке... Уцелевшие всадники поднимали коней на дыбы и поворачивали назад. Слева на опушке загремело: «Ура-ааа!» По команде начальника штаба пулемёты замолчали: во фланг сбившейся в кучу кавалерии с клинками наголо врезался штабной эскадрон во главе с Железным Мартином...

Через два дня бригада вышла к переправе через реку Нарев. Командир бригады Фабрициус и начальник штаба Ершов смотрели в бинокль на деревянный мост. По нему переходили последние обозы 16 дивизии.

Позади бригады, вдалеке, маячили кавалерийские разъезды белополяков. Собиралась вражеская пехота...

Из штаба дивизии связной привёз командиру бригады пакет. Фабрициус сломал сургучную печать и прочёл:

«Приказываю вам с бригадой во что бы то ни стало задержаться на этом берегу Нарева ввиду тяжёлого положения армии. Начдив Медведовский».

— Иван Павлович! — сказал Фабрициус. — Прикажете полкам занять круговую оборону и окапываться!..

На правом фланге, где занимал оборону 142 полк, из густого орешника неожиданно появились вражеские солдаты. Они бежали на красноармейцев и беспорядочно стреляли.

— В штыки, товарищи! — крикнул командир роты Петров и с винтовкой наперевес бросился навстречу белополякам.

После десятиминутной рукопашной схватки враг отошёл. Белополяки хотели прорвать оборону бригады и поднимались в атаку то там, то здесь... Последняя одиннадцатая атака была отбита поздно вечером. Наступила ночь, и всё затихло...

Перед рассветом на флангах бригады поднялась сильная стрельба.

Начальник штаба, чтобы узнать, что случилось, крутил ручку полевого телефона, а комбриг всматривался в предрассветные сумерки...

— Сокол, Сокол, я Верба. Я Верба... Сокол, Сокол, я Верба, я Верба...

Но телефонная трубка молчала...

— Товарищ комбриг! — доложил Вукмирович. — Наши соседи на флангах молчат... Что будем делать?

— Безвыходных положений не бывает! — положил Ян Фрицевич руку на плечо разведчика. — Проверь, Жорж, можно ли перейти через Нарев у местечка Остроленко?

Фабрициус приказал собрать командиров и коммунистов.

— Товарищи! Враг потерял много убитыми и ранеными. От «языка» мы узнали, что подполковник Твербус-Крычковский, которого мы били под Сморгонью, похвалялся уничтожить нашу бригаду. Мы знаем, ноги у подполковника длинные — бегаёт он хорошо... но уничтожить 48 непобедимую — руки коротки! Твербус-Крычковский ожидает артиллерию, но мы ждём, чтобы нас расстреливали картечью, не будем! Я приказал сосредоточить на узком участке 142 полка все пулемёты. Когда в полдень пригреет

солнышко и белополяки наедятся австралийских консервов с канадскими галетами, мы на третье предложим им хорошую порцию свинца и гранёные русские штыки! Пойдём на прорыв после огневой подготовки...

В полдень бригада Фабрициуса вырвалась из окружения и двинулась в сторону местечка Остроленко... Сверху по реке плыли разбитые зарядные ящики, горели доски, бочки... Тянуло гарью и порохом... Слышалась ружейная и пулемётная стрельба...

Ян Фабрициус с марша атаковал белополяков.

Не выдержав удара в тыл, противник стал отходить. 48 бригада пошла через мост на соединение с конным отрядом, который на том берегу спешился и отбивался от противника. Но враг не хотел мириться с поражением и стал обстреливать мост из пушек...

В небе появились аэропланы, и лётчики обстреливали мост... Фабрициус установил пулемёт на двуколке и дал несколько коротких очередей по приближавшейся машине. У аэроплана задымился хвост. Машина вошла в штопор и врезалась в крутой берег возле моста. Ахнул взрыв...

Последним через горящий мост проскакал всадник в чёрной бурке — это был Ян Фабрициус. Он осадил коня у группы командиров, которые окружили начальника дивизии Медведовского, и соскочил с седла...

— Здравствуй, Ян Фрицевич! — и начальник дивизии обнял Фабрициуса. — Хотел выручить твою бригаду, да сам попал в беду — прижали меня белополяки. Если бы не твои орлы — не знаю, как и выбрался бы! Молодчина ты, Железный Мартин! Вовремя подоспел.

— Служу трудовому народу, товарищ начдив! — Фабрициус выпрямился, козырнул, а потом сгрёб в охапку начальника дивизии и расцеловал...

* * *

Много храбрых бойцов и командиров потеряла в непрерывных боях 48 бригада. Полки её поредели. Обмундирование бойцов изнашивалось. Многие красноармейцы шагали

по лужам босиком, а разбитые сапоги были перекинuty через плечо: надеялись починить на привале. Но привала не было уже двое суток... Утром командир разведчиков Вукмирович доложил:

— Товарищ комбриг! У Снядова наскочили на заставу — едва от панов отбились...

Фабрициус посмотрел на карту и приказал бригаде идти в обход Снядова на Ломжу... Когда до Ломжи оставалось три версты и промокшие под дождём бойцы валились с ног, белополяки были уже в Ломже... Прискакал связной от начальника дивизии Медведовского с приказом командарма Корка: любой ценой задержать противника!

— Сорок восьмая бригада приказ выполнит! — медленно и отчётливо сказал Фабрициус и приказал занять круговую оборону...

Белополяки были тут как тут. Они были уверены, что голодная и поредевшая большевистская бригада теперь-то должна погибнуть. Они шли в рост, не пригибаясь, пренебрегая противником...

— Рамка триста, целься в пояс по врагам революции... Огонь! — загремел голос Яна Фабрициуса.

Белополяки побежали назад...

И второй, и третий раз поднимались они в атаку, но теперь уже не шли, а бежали, как можно пониже пригибаясь и стреляя на бегу... Но их косили скупые пулемётные очереди.

Во второй половине дня дождь перестал. Небо прояснилось. Поднялся вражеский аэроплан... Лётчик сбросил не бомбы, а листовки. На белых бумажках с круглой печатью было написано:

«Пропуск в плен... Красноармеец, приходи к нам и приноси своё ружьё. У нас ты получишь хлеб и полное солдатское содержание. С тобой будут обращаться по-братски...»

Красноармейцы читали листовки, ругались и смеялись. У кого была махорка — заворачивали сигарки... Видя, что листовки не помогли, враг опять начал атаки. Теперь солда-

ты не бежали, а ползли, применяясь к местности, но ближе чем на двести шагов бойцы их не подпускали. Последнюю, девятую атаку, красноармейцы отбили штыками и прикладами — патроны кончились.

— Безвыходных положений не бывает, товарищи, — говорил Фабрициус бойцам. — К утру патроны будут! — Но сам понимал, что взять их негде...

В полночь прискакал Вукмирович.

— Где комбриг? Найдите мне, черти, комбрига! — тормошил бесстрашный серб писарей и коменданта штаба...

Услышав голос разведчика, Фабрициус вышел к нему и стащил его с седла.

— Говори, Жорж, не томи! Говори, что нашёл!

— Нашёл, Ян Фабрициус, не то слово... Пустяки нашёл — эшелон с патронами!

— Жорж! Говори серьёзно, не до шуток!

— Товарищ комбриг! — вытянулся в струнку Вукмирович и взял под козырёк. — На станции Червонный бор эшелон с боеприпасами. Брошен четвёртой вражеской дивизией. Охрана — стрелковый взвод...

— Не терять ни минуты времени! Запрячь все повозки! Половину эскадронных лошадей под вьюки! — распорядился комбриг. Он вскочил в седло и через тридцать минут спешился вместе с разведчиками у железнодорожной насыпи.

Взвод охраны был уничтожен без единого выстрела...

— Быстро, орлы! — торопил комбриг разведчиков. — Разгрузились — и живо назад!

На рассвете, уверенные в лёгкой победе белополяки снова двинулись на позиции бригады... Огнём тридцати двух пулемётов они были уничтожены.

48 бригада выполнила приказ командарма Корка и вышла на соединение со своей дивизией у местечка Забойны...

Реввоенсовет Республики наградил революционным Красным Знаменем полки 48 бригады. Самые смелые и отважные привинтили на свои гимнастёрки ордена Красного Знамени. Добавился третий орден и на груди бесстрашного комбрига Яна Фабрициуса.

ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

В 1921 году Ян Фрицевич Фабрициус был начальником и комиссаром командирских курсов в Полоцке. Коммунисты города выбрали его делегатом на X съезд партии.

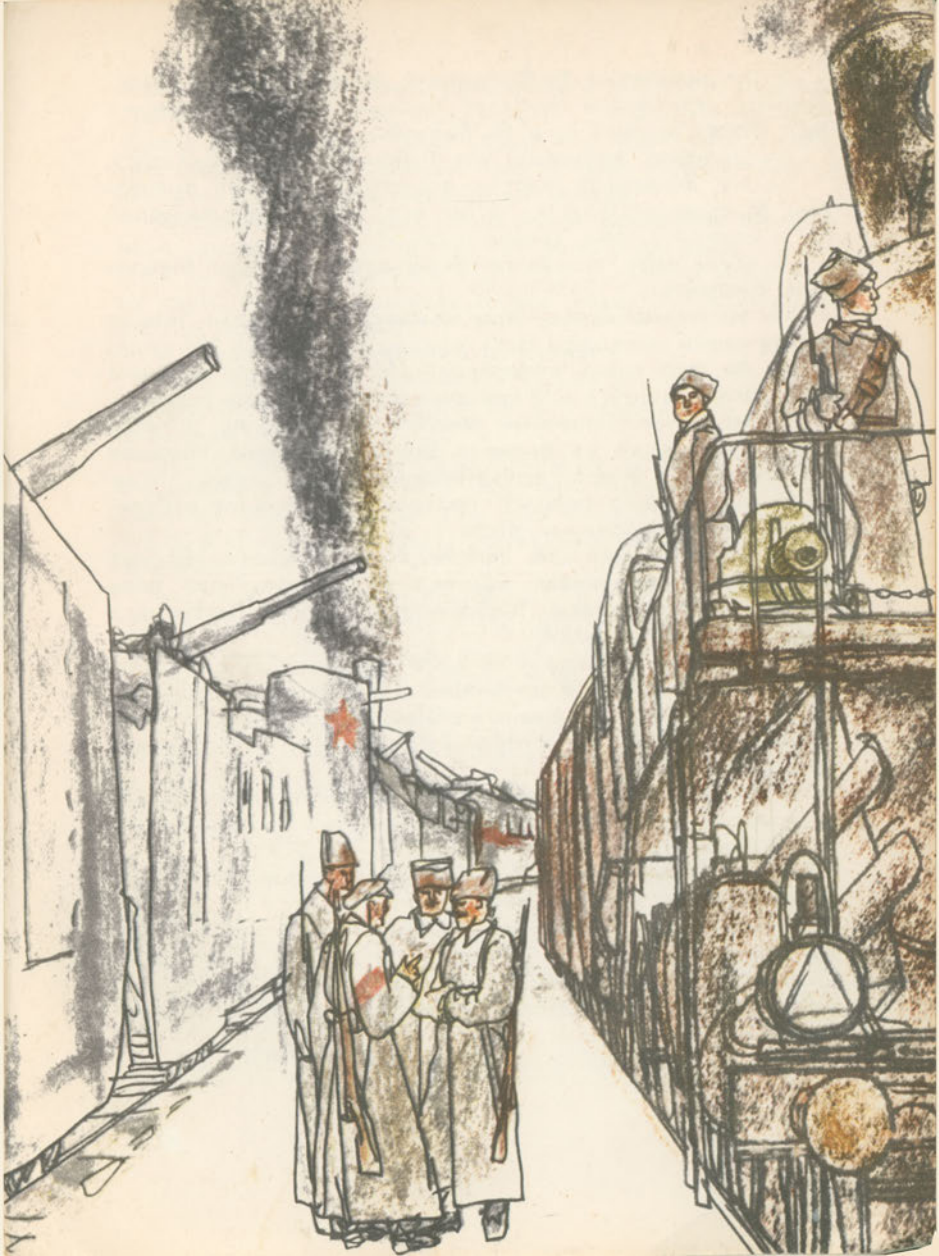
В это время в военно-морской крепости Кронштадте враги революции подняли мятеж против советской власти...

Съезд решил послать триста делегатов во главе с Ворошиловым на подавление мятежа. В числе первых добровольцев записался Ян Фабрициус.

В Петрограде стояла оттепель. С крыш свисали сосульки. Весна была ранняя. Если подует сильный западный ветер, ломает лёд на заливе, тогда к Кронштадту не подступишься... В штабе 7 армии делегаты получили назначения. И 13 марта поезд повёз их в городок Ораниенбаум. Оттуда до Кронштадта по льду девять вёрст. Железнодорожники пропускали поезд без очереди. Он обгонял бронепоезда, платформы с тяжёлыми орудиями, санитарные составы, красноармейские эшелоны. Это по приказу командарма Михаила Николаевича Тухачевского стягивались силы Южной группы войск для удара по врагу. Вечером дежурный по станции Петергоф сказал коменданту поезда:

— Слышите, милейший, снаряды рвутся? Это матросики по нашим батареям палят-с! Это у них, дорогой товарищ, каждый вечер такие развлечения. Весь перегон под обстрелом. Поэтому вас и держим. Как только поутихнет, сразу пропустим!

Когда дальнобойные орудия замолчали, семафор подмигнул зелёным огоньком и поезд с потушенными фонарями и тёмными окнами на всех парах проскочил опасный перегон.

В Ораниенбауме Ян Фабрициус явился в штаб 167 Московской стрелковой бригады. Первым, кого он встретил, был его фронтовой друг Ян Биезайс.

— Здорово, дружище! — и Фабрициус обнял Биезайса.

— Ну, Железный Мартин, отпусти! — с трудом выговорил Биезайс. — Отпусти, а то все кости переломашь! Ну и силища у тебя, дьявол поberi!

— Куда тебя, дружище, назначили? — спросил Фабрициус Биезайса.

— Уполномоченным при комиссаре бригады. Только перед твоим приходом снял шинель — проверял 501 полк!

— Ян, это очень интересно! — И Фабрициус положил руку на плечо друга. — Я назначен в этот полк командиром.

— Ну, брат Железный Мартин, не завидую я тебе! Пока полк везли из Великих Лук в Петергоф, сбежало 53 человека. Вчера дезертировало ещё восемь. Сам командир куда-то скрылся. Настроение у бойцов плохое. К наступлению полк не готов.

— Ян! Где же моё непобедимое войско? — спросил Фабрициус, покручивая жёсткий ус. — Боюсь, что пока мы тут разговариваем, личный состав полка поубавился ещё на дюжину штыков!

— Штаб в Телмашеве, а роты в окрестных деревнях.

— Благодарю тебя, дружище, за информацию. Комбрига ждать не буду — времени в обрез. Скажи, поехал в полк. Надо действовать! До встречи в Кронштадте! — Фабрициус откозырял и вышел.

И комиссар полка, и временный командир полка сходились на том, что полк небоеспособен и на Кронштадт его лучше не вести.

— Не будем терять времени зря! — сказал Фабрициус. — Соберите всех коммунистов!

В разговоре с коммунистами выяснилось, что в полку действуют провокаторы. Они говорят, что у Кронштадта взорван лёд и идти на Кронштадт — идти на верную смерть, что кронштадтские матросы борются за правое дело...

— Всех провокаторов, — распорядился Фабрициус, —

немедленно обезоружить, арестовать и направить в особый отдел. Сделайте это вы, коммунисты. Сделаете немедленно вместе с комиссаром. Наша задача — за одни сутки превратить недисциплинированный полк в полк боевой, готовый выполнить любой революционный приказ.

Фабрициус приказал командирам проверить обувь и обмундирование. Что нельзя починить — заменить новым. В котлы заложить двойной паёк. Все пулемёты установить на сани. Научить красноармейцев наводить переносные мостки через разводья...

В полдень полк собрался на митинг.

Могучая фигура командира, мужественное лицо и три ордена на широкой груди — всё это понравилось красноармейцам.

«Такой небось тары-бары разводить не будет. Видать, в сражениях бывал!» «Так ведь они, ордена, за так не даются!» «Да, видать, от этих усов беляки побегали». «Геройский командир», — переговаривались между собой красноармейцы.

— Товарищи красноармейцы! — громко и уверенно сказал Железный Мартин. — На штурм Кронштадта надо идти сегодня. Завтра будет поздно — весна разведёт льды, с моря пойдут корабли Антанты, и крепость станет неприступной...

— Пойти-то мы пойдём! — крикнул чей-то злой голос. — А вдруг, братцы, у того берега вода? А с кого после смерти спросишь? Раньше-то он, бог, был, а теперь его нету!

— Неверно это! — рассёк воздух широкой ладонью Фабрициус. — Бога и раньше не было, а насчёт того, что взорван лёд, вы повторяете слова провокаторов. Разведка проверила — лёд цел! Белые халаты помогут маскировке. Наступаем ночью, к утру будем в Кронштадте!

— А сами вы, товарищ командир, командовать нами с берегу будете? — глядя на Фабрициуса исподлобья, спросил боец в долгополой шинели.

— Я пойду впереди! — сказал Фабрициус. — Коммунисты в тяжёлое для Республики время всегда идут впереди.

Они не прячутся за спины рабочих и крестьян и поэтому побеждают... Но предупреждаю, я—командир, и мой приказ—закон! Никого уговаривать не буду. Кто струсит и побежит, расстреляю на месте. Есть ещё вопросы?

В полночь в Тельмашеве запела боевая тревога. Красноармейцы выскакивали из крестьянских изб. На бегу надевали поверх шинелей белые халаты...

Полк двинулся в Ораниенбаум. В два часа ночи Фабрициус доложил командиру бригады:

— Товарищ комбриг! Вверенный мне 501 Рогожский полк выведен на исходный рубеж для движения на Кронштадт! К выполнению революционного приказа полк готов!

Когда настало время 501 полку идти в наступление, Ян Фабрициус подошёл к строю и громко сказал:

— Товарищи! Желаю вам боевых успехов и революционной воинской славы! Вперёд на Кронштадт, друзья!

Он круто повернулся и первым сошёл на лёд. Несколько секунд было слышно, как посвистывает позёмка, а потом грохнули красноармейские сапоги. Полк двинулся за своим командиром... Несколько раз Фабрициус останавливался и доставал из полевой сумки компас. Начальник штаба осторожно светил электрическим фонариком, и вместе они смотрели на трепещущую стрелку, чтобы не сбиться с заданного направления. Взглянув на часы, командир приказал:

— Шире шаг!

И по цепи передавалось:

— Шире шаг, шире шаг, шире шаг...

Бойцы шли уверенно. Их хорошо маскировала ночь, белые халаты и снегопад... Передовые шеренги были совсем близко от крепости, когда вдруг вспыхнули и заматались по льду лучи прожекторов...

Противник увидел, что по всему ледяному полю от берега до острова движутся неясные белые фигуры. И все они идут на Кронштадт. Не веря своим глазам, враг растерялся. Несколько минут он молчал. Потом взметнулись ракеты — и грянул огонь из орудий и пулемётов. Стало светло, как днём, и атакующие увидели вмёрзшие в лёд боевые корабли и причалы грозной крепости. Трещал лёд. Грохотали разрывы. В воздух поднимались столбы воды... Не выдержав ураганного огня, красноармейцы залегли. Ян Фабрициус в чёрной бурке, не обращая внимания на посвистывающие пули, пошёл по цепи.

— Товарищи! — говорил он. — Выход из-под огня только один — коротким броском вперёд. Полежали, отдохнули — пора за дело! — И, обойдя весь полк, закричал во весь голос: — Вперёд за мной, красные орлы!.. Ура-а-аа! — и рванулся к пристани, на ходу доставая маузер.

За его спиной перекатывалось могучее: «Ура-ааа!»

Бойцы поднялись и побежали вперёд. Однако у пристани залегли опять. Из окон длинного кирпичного дома хлестали пулемёты. Ян Фабрициус первым вбежал на пристань и залёг за чугунной причальной тумбой. К нему подползло четверо самых смелых красноармейцев.

— За этим складом, — командир показал на приземистый барак, — пушка! — Сноп белого огня вырвался из-за барака, и ахнул выстрел. — Орудийную прислугу снять. Пушку развернуть и заткнуть глотку этим горластым пулемётам! Задача ясна?

— Ясна, товарищ командир!

— Тогда вперёд! — И Фабрициус по-пластунски пополз к приземистому барaku.

Из-за барака выскочил матрос и, размахивая наганом, закричал:

— Давай! Давай, братишки-анархисты, врежем пофлотски большевистским комиссарам! Выдвигай сюда пушку!

— Очень разговорчив этот тип! — процедил сквозь зубы Фабрициус и взял винтовку у соседа. Он широко раскинул ноги, медленно прицелился и спокойно нажал спусковой

крючок... Потом вскочил и бросился к пушке. Из-за её прикрытия Фабрициус дважды выстрелил.

— Без промаха бьёте, товарищ командир! — сказал красноармеец, которому Фабрициус отдал винтовку.

— Самое главное — не терять самообладание и знать, за что воюешь! — сказал Фабрициус, помогая бойцам вернуть пушку. Он навёл её на кирпичный дом.

Грянул выстрел. Пулемёт замолчал. Из окна повалил густой дым. Замолчали и два других пулемёта...

Шаг за шагом 501 полк продвигался вперёд. У здания Машинной школы комиссар Шатилов вышел вперёд и поднял руку:

— Товарищи моряки! — громко сказал комиссар. — Вас обманули провокаторы! Мы не хотим лишней крови. Сложите оружие и сдавайтесь!

В ответ затрещал пулемёт.

Красноармейцы выбили мятежников из Машинной школы.

Уже несколько часов шли упорные бои. Многие командиры и коммунисты были убиты. Патроны кончались, и враг стал теснить наступавших к берегу. Бойцы Василия Громова пробивались к следственной тюрьме. Гранатами они вырвали железную дверь вахты и распахнули тяжёлые тюремные ворота... Потом прикладами сбивали замки с тюремных камер. 27 коммунистов во главе с комиссаром крепости Николаем Кузьминым, которых мятежники не успели расстрелять, получили винтовки и встали в строй. Разбрызгивая копытами лужи талой воды, на пологий берег острова вышла конница, и кавалеристы с обнажёнными клинками ударили мятежникам во фланг.

Враг не выдержал и беспорядочно стал отступать, отстреливаясь из-за углов и с чердаков...

Утром 18 марта Кронштадт стал опять советским...

* * *

Ян Фабрициус спал в морской канцелярии на длинном конторском столе, завернувшись в бурку. Под головой

у него лежал маузер в деревянной кобуре. У дверей канцелярии, охраняя сон командира, стоял часовой. Было слышно, как к дому подъехал автомобиль. Потом на лестнице раздались шаги. Часовой подтянулся.

— Здесь командир 501 полка? — спросил часового человек лет сорока, с коротко подстриженными усами, в серой бекеше и папахе. Рядом с ним стоял молодой военный в высоком шлеме с красной звездой и четырьмя ромбами в петлицах.

— Здесь, товарищ комиссар Южной группы! — ответил часовой Ворошилову.

Ворошилов и Тухачевский вошли в канцелярию. Фабрициус был уже на ногах. Он вытянулся и щёлкнул каблуками.

— Как спалось, товарищ Фабрициус? — спросил Тухачевский.

— Отлично, товарищ командарм! — ответил Железный Мартин.

— Ян Фрицевич! — сказал Ворошилов. — Сегодня в 14.00 в бывшем Морском собрании будет митинг. Вручим нашим героям боевые награды. Приготовь на гимнастёрке место для четвёртого ордена!

— Служу трудовому народу! — отчеканил солдат революции Железный Мартин...

Так верный сын латышского народа, коммунист Ян Фабрициус, стал первым человеком, у кого на груди запылали четыре ордена Боевого Красного Знамени!

